

К. МАРКС

К КРИТИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1950

Подписано к печати с матриц 26/VI
1950 г. Тираж 100 000 экз. М-21739.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$. 4,25 бумажных.
13,94 п. л. 14,9 уч.-изд. л.
Заказ № 777. Цена в переплете 5 руб.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главнолиграф-
издата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Книга первая. О КАПИТАЛЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-----------------------	---

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. КАПИТАЛ ВООБЩЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТОВАР	11
-------------------------------	----

А. К истории анализа товара	40
---------------------------------------	----

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕНЬГИ, ИЛИ ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ	53
---	----

1. Мера стоимости	54
-----------------------------	----

В. Теории единицы измерения денег	66
---	----

2. Средство обращения	78
---------------------------------	----

а) Метаморфоза товаров	79
----------------------------------	----

б) Обращение денег	91
------------------------------	----

с) Монета. Знак стоимости	101
-------------------------------------	-----

3. Деньги	118
---------------------	-----

а) Образование сокровищ	122
-----------------------------------	-----

б) Платежное средство	135
---------------------------------	-----

с) Мировые деньги	148
-----------------------------	-----

4. Благородные металлы	153
----------------------------------	-----

С. Теории средств обращения и денег	158
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

К. МАРКС. ВВЕДЕНИЕ	193
I. ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБМЕН (ОБРАЩЕНИЕ)	—
1. Производство	—
2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению	199
а) Производство есть непосредственно также и потребление	201
б) [Производство и распределение]	206
с) Наконец, обмен и обращение	211
3. Метод политической экономии	212
4. Производство. Средства производства и производ- ственные отношения. Производственные отношения и отношения общения. Формы государства и формы сознания в их связи с производственными отноше- ниями и отношениями общения. Правовые отноше- ния. Семейные отношения	223

II

Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРЛ МАРКС. «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»	227
I	—
II	232
<i>Именной указатель</i>	<i>239</i>
<i>Предметный указатель</i>	<i>242</i>

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. МАРК

К КРИТИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 0

Настоящее издание «К критике политической экономии» печатается по тексту этой книги, изданной в 1939 г. Исключение составляют: «Предисловие» К. Маркса «К критике политической экономии» и рецензия Ф. Энгельса «Карл Маркс. «К критике политической экономии»», текст которых печатается по книге К. Маркса и Ф. Энгельса «Избранные произведения в двух томах», изд. 1948 г., т. I, стр. 320—324 и 325—334.

Слова, заключенные в квадратные скобки, принадлежат редакции.

Редакционные примечания и переводы на русский язык даются в подстрочных примечаниях за подписью: *Ред.*

КНИГА ПЕРВАЯ

О КАПИТАЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, мировой рынок.* Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать; читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые

¹ Книга К. Маркса «К критике политической экономики» впервые издана в Берлине в 1859 г. *Ред.*

указания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моей специальностью была юриспруденция, которую, однако, я изучал, наряду с философией и историей, лишь как подчиненную дисциплину. В 1842—1843 гг. мне как редактору «Рейнской Газеты»¹ пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в Рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, ведомственная полемика, в которую г. фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской области, вступил с «Рейнской Газетой» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец, прения о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «итти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Рейнской Газете» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung»² откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей «Рейнской Газеты», которые надеялись более умеренным ведением газеты отстранить вынесенный ей смертный приговор, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первой работой, предпринятой для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в изданном в 1844 г. в Париже «Немецко-французском Ежегоднике»³. Мои исследования привели меня к тому

¹ «*Rheinische Zeitung*» — ежедневная радикальная газета, издавалась в Кельне в 1842—1843 гг.; с 15 октября 1842 г. по 18 марта 1843 г. редактором ее был Маркс. *Ред.*

² Маркс имеет в виду свою статью «Коммунизм и «Всеобщая Аугсбургская Газета»». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. I, стр. 217—220. *Ред.*

³ «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» — орган революционной и коммунистической пропаганды; издавался Марксом в Париже в 1844 г. *Ред.*

результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г. Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых

люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениального очерка критики экономических категорий (в «Немецко-французском Ежегоднике») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (сравни его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской

философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была достигнута. Из отдельных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны излагали наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный Энгельсом и мной сообща «Манифест Коммунистической партии» и опубликованную мной «Речь о свободе торговли». Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе «Нищета философии», выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Печатание написанной по-немецки работы о «Наемном труде», в которой я собрал свои лекции, читанные на эту тему в Брюссельском союзе немецких рабочих, было приостановлено вследствие февральской революции и последовавшего в связи с ней моего насильственного удаления из Бельгии.

Издание «Новой Рейнской Газеты» в 1848 и 1849 гг. и последующие события прервали мои экономические занятия, и я смог возобновить их только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, — все это побудило меня опять начать с самого начала и критически переработать новый материал. Эти занятия приводили отчасти сами собой к таким дисциплинам, которые, казалось бы, лежат совершенно в стороне и которым мне приходилось уделять более или менее продолжительное время. Но особенно сокращалось имевшееся в моем распоряжении время из-за повелительной необходимости работать для заработка. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в «Нью-Йоркской Трибуне»¹,

¹ «*New-York Daily Tribune*» — ежедневная демократическая газета, выходила в Нью-Йорке с 1841 по 1924 г.; Маркс сотрудничал в ней с 1851 по 1862 г. *Ред.*

первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), потребовало чрезвычайного дробления моих научных занятий. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был ближе познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами науки политической экономии в собственном смысле.

Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен лишь показать, что мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета»¹.

Карл Маркс

Лондон, январь 1859 г.

¹ Данте, Божественная комедия. Ред.

Отдел первый ПИТАЛ ВООБЩЕ

Глава первая ТОВАР

На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие. Но каждый товар представляется с двоякой точки зрения: как *потребительная стоимость* и как *меновая стоимость*¹.

Товар есть прежде всего, по выражению английских экономистов, «какая-либо вещь необходимая, полезная или приятная для жизни», предмет человеческих потребностей, средство существования в самом широком смысле слова. Это определенное бытие товара, как потребительной стоимости и его естественное осязаемое существование совпадают. Пшеница, например, есть особая потребительная стоимость, в отличие от потребительных стоимостей хлопка, стекла, бумаги и т. д. Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и осуществляется

¹ *Aristot. d. Rep. L. 1, C. 9* (edit. I Bekkeri, Oxonii 1837): «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое... в одном случае объектом пользуются для присущей ему цели назначения, в другом случае — для не присущей ему цели назначения; например, обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ногу, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивается обувью с имеющим в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не в присущем ей назначении, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения».

только в процессе потребления. Одна и та же потребительная стоимость может быть использована различным образом. Однако сумма всех возможных ее полезных применений охвачена бытием ее как вещи с определенными свойствами. Далее, потребительная стоимость определена не только качественно, но и количественно. Соответственно своему естественному своеобразию различные потребительные стоимости имеют различные меры; например, шеффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.

Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, сначала безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и составляет предмет общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения. Например, данный товар, как потребительная стоимость, есть алмаз. По алмазу нельзя узнать, что он товар. Там, где он служит как потребительная стоимость, эстетически или технически, на груди лоретки или в руке шлифовальщика, он является алмазом, а не товаром. Быть потребительной стоимостью — повидимому, необходимое условие для товара, но быть товаром, это — определение, безразличное для потребительной стоимости. Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга исследования политической экономии¹. К области последней она принадлежит лишь там, где она сама есть определение формы. Непосредственно она есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение — *меновая стоимость*.

Меновая стоимость выступает прежде всего как *количественное отношение*, в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они составляют одну и ту же меновую величину. Так,

¹ Именно на этом основании немецкие компиляторы толкуют с любовью (сop amore) о потребительной стоимости, обозначая ее именем «благо». См., например, *L. Stein*, «System der Staatswissenschaften», отдел о «благах». Сведения о «благах» следует искать в «руководствах по товароведению».

1 том Проперция и 8 унций нюхательного табаку могут быть одинаковой меновой стоимостью, несмотря на различие потребительных стоимостей табака и элегии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах. Совершенно безразлично к характеру своего природного бытия и безотносительно к специфической природе тех потребностей, которым они служат в качестве потребительных стоимостей, товары в определенных количествах равны друг другу, взаимно замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство.

Потребительные стоимости суть непосредственно средства существования. Но в свою очередь сами эти средства существования суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — *овеществленный труд*. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Мы должны рассмотреть теперь определенный характер этого единства, т. е. труда, который представляется в меновой стоимости.

Допустим, что одна унция золота, одна тонна железа, один квартер пшеницы и двадцать аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости. Как такие эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей стерто, они представляют одинаковое количество одного и того же труда. Труд, который равномерно в них овеществляется, должен сам быть однородным, лишенным различий, простым трудом, которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в атмосфере, в соку винограда или в крови человека. Но добывать золото, добывать железо, возделывать пшеницу и ткать шелк это — качественно отличные друг от друга виды труда. В самом деле, то, что вещно выступает как различие потребительных стоимостей, выступает в процессе как различие в деятельности, создающей